

УТЕШИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ОВИДИЯ

А.Селиванова

1 курс, филологический факультет

Научный руководитель – доц. **Л.И. Шевченко**

Тема утешительной роли поэзии приобретает особое значение в последний период жизни Овидия, связанный с изгнанием. Главными произведениями Овидия в это время являются “Скорбные элегии”, тема поэтического творчества в которых приобретает более личный характер. Поэзия становится для поэта своеобразным другом, собеседником и утешением, выступает в роли посредника между поэтом и его родиной.

Так, в первые дни своего пребывания в изгнании, Овидий посылает свой «бедный свиток» в Рим, куда ему самому нет доступа. Поэт беседует со своим творением не только как с живым человеком, но как с сердечным другом, судьба которого так же несчастна и горька. Свиток имеет скромный, бедный вид: он «косматый, с долго не бритой щекой», так как лишен всех тех украшений, которые присущи торжественным книгам, издаваемым на родине. Пятна, которыми покрыт рукописный свиток – следы пролитых автором слёз, которых он просит не стыдиться.

Посредством отосланных в Рим элегий Овидий надеется на связь с покинутыми им, счастливыми местами, которым он передает таким образом привет из далекого изгнания.

Овидий тяжело переносит жизнь в условиях ссылки. Он, не знающий местного языка, и, соответственно, никем не понимаемый, ощущает себя там варваром: *Barbarushicegosum, quianonintellegorulli, / Etridentstolidi-verbaLatinaGetae* («Я варвар здесь, так как никто меня не понимает /и смеются глупые геты над латинскими словами»).

Привычный поэтический труд облегчает душу Овидия, является утешением для него в трудные минуты, спасая его от страданий и мук. Слова о том, что время можно обмануть с помощью поэтического творчества («Всё же промчится скорей песней обманутый день»), станут лейтмотивом в творчестве многих поэтов нового времени, среди которых М.И. Цветаева и С.Я. Парнок

Однако не всегда Овидий отзывался о поэзии как о своем помощнике и спасителе. Во второй книге Трестий поэт винит стихи в своих бедах, говорит о том, что именно талант и поэзия сгубили его, став причиной жестокого наказания Августом.

И, тем не менее, поэзия – главный смысл жизни опального поэта, разлука с ней для него невыносима, а потому он вновь возвращается к поэтическому творчеству, его погубившему, желая исцелить свои раны и смягчить наказание: «Муза, навлекшая гнев, сама же его успокоит: / Песнями можно смягчить даже великих богов».

В своих элегиях поэт постоянно упоминает о его неразрывной связи с поэзией – у него отняли всё, что было так дорого его сердцу: родину, любимую жену и детей, верных друзей и читателей; но невозможно отнять главное богатство творца – его талант. Никто не сможет лишить Овидия такой радости как поэзия, стихи: «Отнято все у меня, что было можно отнять. / Только мой дар неразлучен со мной, и им я утешен».

Особое внимание теме утешительной роли поэзии Овидий уделяет в I элегии четвертой книги. Поэт просит читателя не судить строго сочинения периода изгнания – в них много «погрешностей», ведь они написаны не ради богатства и славы, но чтобы отвести душу, облегчить свою тяжкую участь.

Поэт ставит себя в один ряд с землекопом, лодочником, гребцом и пастухом: подобно тому, как «песня простецкая» тешит их, так и стихи улаживают сердце и душу поэта. Муза становится для него главным помощником, опорой и защитой.

Овидий постоянно говорит о губительной силе его стихотворений, о бедах, выпавших на его долю из-за них; но он не в силах разорвать эту крепкую связь между ним и поэтическим творчеством, его Музой, из-за которой он гибнет и которую безумно любит.

Для поэта его пристрастие к стихам – одержимость, оборотной стороной которой является то, что в процессе творчества его боль притупляется, он не так остро реагирует на свои невзгоды и несчастья, словно «из чаши отпил дремотной влаги летейской»

Поэзия – основной труд Овидия в период изгнания, который он осуществляет в полной изоляции и одиночестве, «сам для себя», чтобы этим трудом укрепить свой дух, отвлечься от страданий и облечь в слово свои волнения и заботы: «Что же мне делать еще одинокому в этой пустыне?»

Поэту горько от того, что он тоже вынужден говорить на варварском языке, чтобы хоть как-то общаться с окружающими, и он с ужасом замечает, что иногда не может отыскать подходящего слова на латинском языке: «По причине долгой отвычки / Слов латинских порой сам отыскать не могу».

Как свидетельствует содержание последних элегий, поэта часто посещает уныние и отчаяние. В XII заключительной элегии он жалуется на отсутствие поэтического вдохновения: «...мой ум смолк и едва ли теперь годен для новых трудов». Однако он не в силах оставить свое ремесло, даже если пишет только для того, чтобы предать написанное огню.

Тем не менее, каким бы трагичным не было самоощущение поэта, постоянным рефреном и своеобразным девизом его творчества остаются слова благодарности музе за ее утешительную отраду и исцеление от постигших его несчастий: Gratia, Musa, tibi! namtusolaciapraebes./Tucuraerequies, tumedicinavenis.(«Тебе спасибо, Муза! Ибо ты доставляешь отраду, ты приходишь как успокоение от забот, как целительница»).